

СЛОВО РЕДАКТОРА

В.В. Козловский

В ПОИСКАХ «СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КАМНЯ»СОВРЕМЕННОСТИ

Вторая половина 2008 г. ознаменовалась провозглашением всеобщего кризиса экономики. Мнимые и реальные трудности глобального порядка проявляются во всем, от административных потрясений, банкротств и падений корпораций до семейных коллизий. Тема кризиса заполонила страницы журналов, полосы новостей, виртуальное пространство. Парадоксальным образом этот поток страхов, угроз и опасностей встроился в общий тренд весьма органично и, можно сказать, добавил остроты монотонному ритму частной и публичной жизни.

Стал заметен вышедший из тени всесильный мировой и национальный финансово-банковский бизнес, который на поверку оказался спекулятивным, своекорыстным, эгоцентричным и беспомощным без поддержки государства, которое, думается, на время превратилось индустрию печатания денег. Могущество рынка как регулятора экономического поведения, средства перераспределения капиталов и богатств внезапно сократилось практически во всех сегментах хозяйственной деятельности. Упование на универсализм рынка и прогрессивную динамику роста сменилось прежде всего разочарованием населения, особенно тех слоев и групп, которые как собственники еще не обрели или уже утратили завоеванные позиции.

Политическая власть скорее вынужденно, чем по своей воле, оказалась заложницей кризиса и ответственной за выход из него. Не на общество, а на государство легла полнота ответственности в новой для него роли и выразителя, и гаранта социальной справедливости в ситуации резкого экономического спада. На наших глазах в сфере политики непосредственно артикулируются интересы национальной экономики, а также отдельных групп бизнеса и населения. Подобная избирательность в отстаивании и поддержке базовых групп интересов хорошо укладывается в концепцию государства как ведущего института регулирования хозяйства, рынка, демократии, социального неравенства.

Идеология современного российского государства прежде всего опирается на принципы сбалансированной экономической и социальной политики, инновационного технологического и технического развития. То есть оно берет на себя роль инициатора новых национальных проектов, организатора и контролера основных секторов общественной жизни. Между тем государство действует традиционно, артикулируя прежде всего интересы крупного капитала, сопровождая свои действия политическими и социальными акциями в защиту населения. Угрозы социальных взрывов и потенциального протеста заставляют государство брать на себя новые роли одновременно крупного банкира и предпринимателя, социального менеджера и дистрибьютора. Многократное усиление государства чревато умалением гражданского общества, ростом пассивности граждан, патернализма как общего урона настроения, и как следствие, снижением социальной и экономической активности.

Зададимся вопросом — насколько в таких условиях востребована социология, способна ли она подобрать волшебные ключи для решения злободневных стратегических вопросов современности?

На рубеже 1990–2000-х гг. российские социологи основное внимание обращали на проблемы переустройства и трансформации российского общества. В конце первого десятилетия XXI в. обнаружилось явное отставание социальных исследований и разработок от реальной необходимости изучения новых явлений в уже стабилизировавшемся российском обществе. Соответственно резко падают бюджетные и внебюджетные расходы на социальные исследования, сокращается спрос на социологическую продукцию. При этом растущий ком проблем выживания и поиска жизненных стратегий в обществе кризиса, спада производства и роста безработицы требует срочных ответов. Государство и общество, пытаясь справиться с наплывом неожиданных трудностей и болезненных ситуаций, с трудом находит временные рецепты для решения текущих социальных и экономических задач. Отсюда вытекает прямой вопрос об актуальности социологии для понимания современности. Обладают ли социальные науки неким универсальным «социологическим камнем», с помощью которого современное общество и государство не только с успехом выйдут из острого кризиса, но и спроектируют оптимальную программу будущего устойчивого развития страны?

Предлагая такой поворот в обсуждении значимости и пользы социальных наук, мы хотим направить внимание на смену вектора интересов в социальных и гуманитарных исследованиях. Ключевыми моментами являются разработка основных тематических направлений, новых продуктивных методов и дискурса исследований современности. Наряду с этим появляется важное звено — широкая гамма практических и коммуникативных задач, решаемых на основе современного дизайна актуального социогуманитарного знания.

Миссия современного социального и гуманитарного знания покоится на фундаменте выявленной человеческой идентичности, сопричастности и солидарности. В отличие от предыдущих эпох — времен социогуманитар-

ных исканий истины, посева, взращивания и сбора плодов просвещения, покорения окружающего мира — современный этап развития научного социогуманитарного знания состоит в социокоммуникативном проектировании новых социальных практик (социальной реальности) в условиях смыслового многообразия личного и коллективного существования. Цель социогуманитарных наук — самопознание, самоидентичность и самоосуществление разнородных социальных субъектов. Поиск языка социогуманитарных описаний на деле происходит как ревизия прежних способов существования во имя современного цивилизационного обустройства и реализации значимых общественных проектов.

Одной из самых значимых для социальной теории и практики является тема собственности как условия и основы цивилизационного обустройства современной России. Цивилизационное устройство как интегрирующая совокупность рамочных общественных форм обеспечивает рациональное осуществление любой социальной и культурно значимой деятельности. Центральное место в них занимают отношения собственности, вокруг и на базе которых складываются многомерные общественные отношения цивилизационного участия в производстве и воспроизводстве индивидуальной и коллективной жизни. Именно собственность определяет границы личной и общественной свободы, служит источником развития и защиты личности и социума в современном обществе. От развитости отношений собственности напрямую зависит предоставление ресурсов на социально- и личностнозначимые проекты и программы. Отношения собственности формируют контуры и перспективы реализации индивида и группы (также пределы, отклонения, барьеры и т.д.), определяют тип общества (тип капитализма и др.), власти, своеобразие политического режима. Все это говорит в пользу разработки данной темы как слабо разработанной грани современного «социологического камня» современности. Развернутое понимание собственности способно дать внятное представление о скрытых механизмах топтания на месте и неудачах в цивилизационном обустройстве российского общества, включая экономический рост, политическое участие, культурное, социальное и индивидуальное творчество.

Мир твердых понятий традиционных обществ, включая индустриальное общество, занимает ведущее место в сегодняшней социогуманитарной терминологии, но малоэффективен в интеллектуальном и эпистемологическом освоении текущей истории. Классические концепции, в частности структурно-функциональное, системное, да и не противоречащее ему феноменологическое объяснение социального и культурного пространства показали свою слабость в понимании и проектировании индивидуальной траектории жизни и осмыслении трансформации массового общества в современные транснациональные сообщества. Неофункционализм, драматургическая социология, социоанализ, конструктивизм, дискурсный анализ дают новое измерение современного общества, его повседневных практик и общественных форм. Они предлагают новый язык обнаружения, описания и объяснения разнообразных событий, стилей и способов жизни. Соб-

ственно, новые грани «социологического камня» современности кристаллизуются либо как совершенно новый, либо по-новому развернутый прежний дискурс, на основе которого раскрываются скрытые прежде формы социокультурного существования. Возможно, дискурсивное конструирование этих качеств и форм как раз и является способом социологического проектирования реальности. Мы наблюдаем сопряжение двух взаимозависимых процессов как двух событий: калейдоскоп меняющихся реальных событий и социокоммуникативный ряд (события их коммуникативного отстраивания). Речь идет о социокоммуникативном событии как самостоятельной коммуникативной реальности и коммуникативном действии. При этом возникает эффект социокоммуникативного взаимопорождения стилей жизни дискурсом, действием и отношениями (отношениями собственности по преимуществу в российском случае).

Актуальный социологический ответ на вызов цивилизационного развития связан прежде всего с существующими типами современности. Стандарты современной цивилизации синхронизируются в каждой стране благодаря своей уникальности и унифицированности. Принудительное освоение, а в ряде случаев адаптацию данных стандартов можно усмотреть в потоках современной миграции в большинстве регионов мира. Каковы они, каким образом укрепляются? Какова цивилизационная идентичность поколений различных национально-государственных общностей? На первый взгляд, социальная логика вещей, отождествляемая с технологиями их создания и использования, и есть вещный порядок социальной реальности, закрепляемой в жизненном опыте. Однако наряду с так называемым реальным опытом повседневности и способами позиционирования возникают разного рода фабрикация, суррогаты, имитации, подделки, симуляции дискурсов, действий и отношений. Следовательно, схватить так называемую сущность социального порядка, скрытую природу власти и культурных практик оказывается труднодостижимым делом. Поэтому социологический анализ цивилизационного уклада позволяет разобраться в спектре форм исторического опыта и разнообразия повседневности. Цивилизационный уклад любого сообщества определяется множеством вещей, которые структурируют личные и социальные практики: тело, дом, техника, язык, знания, деньги, одежда, пища, предметы развлечения и зрелища. Этим списком круг включенных в практики вещей не ограничивается. Появляются новые, например, компьютерные и виртуальные вещи. Инновации встраиваются в повседневность за счет механизмов социокультурного обустройства и проживания, в число которых входят такие методы, как: изобретение, видоизменение, подражание, изоляция, игра, ритуал. Таким образом, проблематика цивилизационной динамики российского общества может быть наряду с темой собственности вторым важнейшим фокусом социокультурного изучения, и соответственно, гранью «социологического камня» современности.

Число дипломированных социологов в России с 1989 г. существенно выросло. Их профессиональная компетентность, послевузовская пригодность,

принадлежность и сфера деятельности представляют большой потенциал и ресурс современного российского общества знания. Вместе с тем общеизвестны трудности осуществления профессиональной карьеры и в целом занятости в области социогуманитарного знания. Невысокий уровень оплаты и общественного признания определяют достаточно низкую престижность интеллектуального социогуманитарного труда, в частности, социолога, философа, культуролога. Остро стоит вопрос об общественной привлекательности и эффективности социогуманитария (если возможен данный обобщающий термин для обозначения корпуса специалистов в области социальных и гуманитарных наук). Всем памятна позднеперестроечные упования на официальное признание новых направлений в социогуманитарном образовании и на обретенную в 1990-х гг. свободу в социальных и гуманитарных науках, на экспансию социологии и социологического образования в обществе как на панацею в решении проблем переходного российского общества. Эти надежды не оправдались.

Дискуссия об общественной или публичной роли социологии обостряет главный вопрос о профессиональной и общественной полезности, пригодности, эффективности социальных наук. На наш взгляд, его суть в том, насколько и каким образом социология отвечает на вызовы своего времени, меняющейся ситуации и новых условий существования. Речь не идет о детальном подсчете достижений социальных наук и затрат на существование корпуса социальных ученых. Вряд ли это будет уместно и возможно. Скорее следует разобраться в месте, общественном значении и инструментальном эффекте социального и гуманитарного знания.

Собственно метафора «социологического камня» современности содержит в подтексте базовую проблему социального и гуманитарного самопознания и соответственно проблему критики и оправдания человеческих действий разного уровня. В отличие от теологического профессионального дискурса в гражданских научных воззрениях требуется непременная ревизия и критика добытого социогуманитарного знания в контексте текущей современности. Ибо новый опыт подтачивает и опровергает прежние истины. Общество модерна преодолевается формированием совершенно новых форм современности, которые отражены в терминах постиндустриализма, постмодернизма, типов *modernity*. Релятивизм социогуманитарного знания неизбежен. Без него оно канонизируется и догматизируется. Вопрос о границах относительности социального знания становится вопросом о соотносимости социальных представлений с меняющимися практиками и типами человеческого действия.

Насколько далеко способна пойти критика социологических рассуждений, понятий и представлений? Критика социологического рассудка, здравого смысла и разума, находящаяся на уровне докантовских представлений, не в состоянии преодолеть узость социальных наук. Поисками универсальных теорий и средств социального познания можно заниматься до тех пор, пока мы находимся в рамках представлений о едином более или менее гомогенном социокультурном пространстве человеческой истории. В этой

парадигме, несмотря на ее вариативность, и творцы, и носители любых социальных представлений ограничены рамками (фреймами, правилами) описания и интерпретации реальности, и, конечно, потенциалом когнитивных структур (исторических форм действующего мышления). Таковыми являются в сложившемся корпусе социальных наук правила социального конструирования понятий и фактов наблюдаемой реальности.

Социальная реальность присутствует в повседневности в различных формах практик и (ре)конструирования жизненного пространства, включая практики тела, коммуникации, действий, созерцания и понимания. На более высоком уровне абстракции к социальной реальности следует отнести: во-первых, *традиции локальных, транслокальных и глобальных сообществ*, в которых национальный и этнический элементы играли и играют до настоящего времени ведущую роль; во-вторых, *индивидуальный и коллективный опыт поколений*, определяющий их жизненные пути на обозримый период; в-третьих, *практики проектирования общественного порядка*, включающего инновационный дизайн экономического, политического, правового и гражданского характера; в-четвертых, *стратегии и способы (де)конструирования и преобразования* социального и культурного ландшафта.

Общеизвестно, что это проблематика функций науки, из которых в социальных науках наиболее важными, видимо, следует считать познавательную, экспертную, прогностическую функции. Между тем, очевидно, что функции легитимации общественного порядка, идеологического оправдания, артикуляции существующих и возникающих ценностей являются все более приоритетными. Связано это не столько с глубокой инерцией социогуманитарного знания, сколько с общей тенденцией его интеграции в современные социокоммуникативные профессиональные практики образования как сервиса, консультирования как услуги, продвижения и потребления как товара.

В поле социальных и гуманитарных наук складывается достаточно широкий диапазон занятости: научные исследования, экспертиза, консультации, образование. Если представители социальных и гуманитарных наук выполняют текущие общественно важные заказы, если они служат интересам властных групп и общественности, то они находятся при деле. Но они ангажированы. Для более или менее объективного суждения о принципиально важных аспектах современности необходима степень интеллектуальной свободы, включая способность критического осмысления фундаментальных проблем общества, власти и бизнеса.

Объективно оценить потенциал современных социальных и гуманитарных наук — дело трудно осуществимое из-за отсутствия однозначно принятых критериев. Каково их состояние в современной России? Кому они могут быть интересны и нужны? Речь идет как о реставрации утраченных достижений, так и об инновационной программе для социальных наук. Необходимы три условия прироста социогуманитарного знания о современности: а) самоаттестация и самоидентификация различных групп и школ в социальных и гуманитарных науках; б) создание благоприятной для острой

критики и содержательного обсуждения среды внутри сообществ различных социальных и гуманитарных наук; в) открытая коммуникация, как внутренняя, в национальном социологическом сообществе, так и внешняя, с мировыми социологическими сообществами.

Социальное и гуманитарное научное знание редко используется как общественно значимый инструмент оценки, диагностики, подготовки и принятия решений. Современные социальные и гуманитарные науки представляют собой формирующуюся динамичную сеть, дополняемую виртуальными и реальными практиками социального проектирования, дизайном новых социальных коммуникаций. Именно такая мобильная социология, раскрывающая грани современности, на наш взгляд, и нужна современному российскому обществу. В историко-социологическом ракурсе эти типологические стороны современного российского общества рассматриваются в нескольких направлениях:

1) *реставрация* модернистской социологической и социально-философской классики как конструирование современных социологических представлений о трансформации российского общества на основе интерпретации наследия классической социологии в период развития общества модерна;

2) *реконструкция* общественных наук советского периода как процесс конструирования современных социологических представлений о трансформации российского общества на основе теоретико-идеологического истолкования советского опыта индустриального массового общества;

3) *деконструкция* общественных наук советского периода как демонстративный отказ от теоретико-идеологической картины общества советского типа и формирование системы мозаичных социальных представлений о трансформации постсоветского российского общества на основе полипарадигмального подхода;

4) *новая социологическая концептуализация* системных перемен российского общества — построение специальной современной социальной и гуманитарной теории трансформации российского общества на основе использования достижений в мировой социологии в объяснении и понимании глобализации, информационного общества, экономики знания и общества потребления.

Под *реставрацией* модернистской социологической и социально-философской классики нами понимается специфическое воспроизведение в современных социологических представлениях о меняющемся российском обществе положений классической социологии в период модернистского развития (или индустриального общества с 1870-х по 1980-е годы). Сторонники данного подхода стремятся найти в социологии дореволюционного, советского и русского зарубежного периода истинные ответы на вопросы об альтернативах общественного устройства советского и постсоветского социума. Суть заключается в сходстве базовых злободневных проблем российского общества в разные исторические периоды. Следовательно, ранее предложенные русскими и советскими аналитиками оценки и решения при-

годны для понимания проблем сегодняшнего дня, в условиях постсоветского развития. Такой подход отражает скорее привязанность к идеологическому проекту прошлого, чем скрупулезный научный анализ различных предпосылок, ресурсов, стратегий развития российского общества в разные периоды. Иными словами, в данном подходе реставрация социологических представлений (концепций, доктрин) означает необходимость возрождения реальных практик дореволюционного и частично советского обществ. Понятно, что подобная экстраполяция является скорее все же ностальгией по нереализованным социальным и культурным проектам прошлого, нежели картиной настоящего. Сторонники данного подхода ищут опору в прошлом для обозначения подлинного пути развития современной России. Таким фундаментом может служить как классическая наука и философия вплоть до 1980-х годов, религия (православие), идеологическое учение евразийства. Очевидно, поиск корней в прошлом не дает права превращать их в одежды современности.

В *реконструкции* общественных наук советского периода проявляется тенденция сохранения элементов ушедшей в прошлое системы марксистско-ленинского обществоведения, включая политическую экономию, исторический и диалектический материализм, научный коммунизм. На основе теоретико-идеологического истолкования советского опыта индустриального массового общества сторонники данного направления доказывают состоятельность социальных и культурных практик советского общества, практик социалистического строительства и необходимость воссоздания базовых структур собственности, власти, государства. Социальная база подобного подхода рекрутируется как из сторонников ортодоксального марксизма советского варианта, так и из новых последователей данной методологии и идеологии. Советский обществоведческий дискурс отражает реалии ныне периферийного типа современности, порожденного и выросшего в рамках административной партийно-государственной системы. Тем не менее, дискурс реконструкции обладает достаточными социокоммуникативными ресурсами идеологического характера. Трансформация современного российского общества преподносится широкой аудитории как отклонение от советской системы социалистического типа цивилизации.

Оппозицией апологии общественных наук советского периода является их *деконструкция*. Публично она представляла собой демонстративный отказ от теоретико-идеологической картины общества советского типа. Взамен предлагается мозаика подходов в анализе перехода постсоветского российского общества к системе, построенной на базе новых институтов рынка, демократии, социальной защиты, культуры и религии. Полное или частичное отторжение советской идеологемы означало зачастую лишь разворот от знака плюс к знаку минус. Такая смена полюсов в толковании советского прошлого также малопродуктивна. Мультипарадигмальное конструирование российской современности приводит к эклектике в методологии и создает видимость объяснения действительных цивилизационных перемен в современной России. Предлагаемый сторонниками мультипарадиг-

мальной методологии способ исследования фактически стремится синтезировать принципиально различные концепции для обоснования сложности реального становления нового типа современности.

В *новой социальной и гуманитарной концептуализации* системных перемен выявляются фундаментальные тренды развития современного российского общества. Безусловно, как и в случае деконструктивного мышления, российские социологи применяют разработанные в мировой социальной науке модели исследования, но при этом акцент делается на доминантных общественных процессах, формирующих базовые типы современности в разных социокультурных, прежде всего национально-государственных сообществах. Новейшие западные концепции не только тщательно отбираются и используются для анализа российского общества, но и адаптируются к российской реальности. Вместе с тем разрабатываются новые концепции, отражающие общие и специфические черты цивилизационного развития современных обществ. Примером может служить концепция виртуализации, консьюмеризма, общества социокоммуникативного действия, транснационализации наряду с известными теориями глобализации, информационного общества, общества (экономики) знания и общества потребления.

Остается открытым вопрос — сохраняют ли социальные и гуманитарные науки, в частности, социология в современных условиях собственное лицо как независимые науки, критически относящиеся к обществу и власти, обращенные к объективному исследованию устройства социума, культурной динамики, жизненного мира и позиции личности, конфликтов. Самый общий ответ заключается в следующем. Пока социологи зарабатывают на хлеб насущный, обслуживая то власть, то бизнес, то медиа, пока социологи молчат по поводу скрытых от поверхностного взгляда тенденций и следствий социально-экономических, политических, культурных и духовных процессов, совершенно очевидным становится снижение статуса социальных наук и социологии, в особенности в глазах требовательной публики. Это представители общественности, властных элит, интеллигенции, политических и экономических групп интересов, рядовые граждане.

Для современной российской социологии характерен ряд парадоксов, один из которых был назван дилеммой социального контекста и социологического текста. Точнее, это парадокс *переводимости, транслируемости* текста в реальные социальные и культурные практики. Окрепло ли доверие к социологическим текстам, к социальным наукам, к социологии как науке? Слабое доверие к социальным наукам как инструменту анализа и оценки общественных явлений толкает сообщество социологов либо выдумывать образ социума и концептуализировать его, либо входить в поле политики, экономики, массовой коммуникации. Поскольку социальные науки включены в процессы ритуального общественного признания, то социология нередко используется для получения научных степеней в далеких от науки целях: общественного признания, политической карьеры. Доверие публики к серьезным социологическим текстам и социальной информации, со-

зданной квазипрофессиональными социологами, явно не прирастает и отношение к ним остается скептическим. Ситуация явно не в пользу социальных наук как профессионального поля.

Российской общественности, экономической и политической элите необходима новая глубокая экспертиза динамики современного общества в условиях резких экономических сдвигов, правовых перемен, новых жизненных траекторий поколений. Среди новых проблем следует выделить национально-специфическое социальное конструирование личного и публичного пространства, растущую индивидуализацию, конфликты и общественные риски, которые попали в поле широкого социокультурного анализа. Решение данных проблем возможно как на пути критики и обоснованного отказа от уже не работающего корпуса социокультурных знаний, казавшегося «социологическим камнем» современности, так и в направлении создания новых средств непредвзятого научного анализа и оценки изменчивой социокультурной реальности и новых цивилизационных процессов.

«Социологический камень» современности представляет собой множество граней, каждая из которых открывает путь к пониманию и концептуальному конструированию современного общества.